

ИТАЛИЯ В «ЛОВУШКЕ НЕРАЗВИТИЯ»?

Тезисы доклада к заседанию Ученого совета ИМЭМО РАН 24 июня 2013 г.

1. Кумулятивный эффект наложившихся друг на друга кризисов – рецессии и политической нестабильности – в одной из ведущих стран Евросоюза, лидере южноевропейского региона высвечивает проблемы *системного кризиса модели развития*, на которую ориентированы страны европейского Юга. Происходящие в Италии процессы выявляют дисфункции и системные ограничения на путях трансформации юноевропейской социально-экономической модели и позволяют оценить перспективы ее модернизации в рамках европейского проекта интеграции.
2. Социальный пессимизм и недовольство, копившиеся в Италии на протяжении последних двух десятилетий, после распада в начале 1990-х гг. партийной системы Первой республики, обретают сегодня новые качества. *Происходит становление нового политико-институционального порядка*, утверждается размежевание на сторонников «старых» партий и новых популистских движений, на системный/антисистемный политический и социальный протест. Архаическое сознание и поведение принимают политические формы, глубокие корни на Севере страны пустил феномен «меридионализации» - расползания вширь культурных норм и экономических практик, характерных для Юга. Предметом острейшей полемики стал разрыв между «двумя Италиями» - приверженцев «берлусконизма» и тех, кто не приемлет установки и модели поведения, олицетворяемые бывшим премьером.
3. Развернувшаяся в ходе подготовки к празднованию 150-летия государственности общественная дискуссия *выявила неоднозначность в восприятии гражданами общенациональных ориентиров идентичности, поставила вопрос о будущем итальянской политической нации и о перспективах ее консолидации как проблему практической политики*. Со времен Рисорджименто национальную идентичность олицетворял политический класс, и лидерство в деле модернизации страны возлагалось на политические институты, но сегодня с партийно-политической системой в массовом сознании связываются сугубо негативные ассоциации: убежденность в доминировании бюрократических интересов,

неэффективности и нечистоплотности, скудости идей, способных придать импульс развитию.

4. Рост недоверия к политическим институтам проявляется не только и не столько как следствие текущего экономического кризиса, сколько как *долговременная тенденция растущего несоответствия модели развития общественным ожиданиям*. На протяжении истории нынешней Второй республики Италия еще не знала такого стремительного нарастания и такого широкого распространения негативных по отношению к существующему порядку вещей настроений. Ползучий нравственный кризис, охвативший пораженную социальной anomией «обезличенную» (impersonale) потребительством часть итальянского общества и прорастающий в институты публичной сферы, приводит к размыванию ценностей социальной солидарности и индивидуальной мотивации граждан.
5. Реальность сегодняшней Италии - отсутствие определенности в ориентирах национального развития. *Страна оказалась в «ловушке неразвития»: несоответствие общественных запросов наличным ресурсам дополняется слабостью способных стимулировать развитие институциональных механизмов*. Стимулы для изменений связываются с перспективой культурной «перезагрузки», способной переломить наметившуюся тенденцию превращения страны в «живой музей», с развитием территорий, с ресурсами локализма и регионализма. Призывы потреблять “Made in Italy” находят отклик среди населения, и местные власти более динамичных регионов вкупе с ремесленными предприятиями, малым и средним бизнесом вкладывают силы и средства в поддержание «точечных» инноваций и регионального разнообразия как ресурса развития территории.
6. Однако *конкурентоспособность итальянского бизнеса, динамично развивавшихся до кризиса промышленных округов (кластеров) подрывают*, помимо общего для Европы «китайского натиска», *процессы деиндустриализации, системные проблемы рынка труда («черная» занятость, отсутствие связи образования с нуждами производств), мало конкурентоспособный уровень образования, структурная безработица и, в то же время - острая нехватка привлекательных возможностей для молодежи*. В результате Италия вновь превращается в страну эмиграции, хотя иной по масштабам и структуре по сравнению с недавним прошлым: сегодня идет

отток мотивированных на интересную и креативную работу молодых людей (за последние 10 лет страну покинули 316 тыс. профессионалов). Подрастает первое массовое поколение иноэтничной молодежи. При этом системной государственной политики интеграции мигрантов нет, и Италия особенно заметно отстает здесь в сфере образования. В приоритетах озабоченности иммиграция занимает третье место - после страха перед безработицей и перед преступностью.

7. Численность среднего класса упала за годы кризиса до примерно 55% отметки, а уровень доходов на члена семьи этой категории - до показателей 1993 г.; при этом 15 млн. итальянцев испытывают серьезные материальные затруднения (данные ISTAT, Национальный доклад по итогам 2012 г.). Стабильно прослеживается тенденция к росту неравенства в уровне доходов, *утверждается «пирамидальная» структура социального порядка*. Согласно оценке главы Банка Италии, сегодня «страна остается на рубежах 25-летней давности, налицо неспособность проводить необходимые реформы, и социальная сплоченность общества под угрозой».
8. Модель управления, построенная на доминировании «партитократии», оказалась «колоссом на глиняных ногах»; рецессия выявила растущую неэффективность публичной политики на разных направлениях – от здравоохранения и образования до пенсионной реформы. Проблемы, связанные с кризисным состоянием социальной политики, диктуют сегодня политическую повестку дня: *происходит «социализация» политического дискурса*. В дискуссии о кризисном развитии социального государства и путях его преодоления доминирует алармистская тональность, а положение на рынке труда вызывает массовый протест.
9. Структурные реформы правительства во главе с Марио Монти в русле курса на жесткую бюджетную экономию (пенсионная реформа и новые шаги по либерализации рынка труда) не переломили ситуацию. *Требования Евросоюза, на которые вынуждена ориентироваться политическая элита в бюджетной политике, усугубляют внутривнутриполитические напряжения*. Хотя уровень поддержки интеграции остается (традиционно) высоким и есть примеры эффективного использования средств европейских структурных фондов для развития небольших высокотехнологичных производств на Юге,

но растет и критический настрой, который аккумулируют популистские силы («5 звезд» и Лига Севера).

10. Политиканству, неуправляемости, непрозрачности (одиозным символом которых остается Неаполь) и социальному отчуждению противопоставляются политика «реальных дел» и формы самоорганизации на местах (движение «Добродетельных коммун»). Пути преодоления пресловутой «ловушки неразвития» связаны и с ресурсами гражданственности, с потенциалом гражданского участия той части общества, которая противостоит ползучей «берлусконизации» и расцвету потребительского индивидуализма. На уровне повседневности укореняются практики альтернативного потребления, поддерживается демократичная социальная среда. *На «хорошую политику» есть четко выраженный и реализуемый на местах общественный запрос, но сегодня ресурсы модернизации не аккумулируются на политическом уровне.*
11. *Нынешние тупики развития связаны с незавершенностью модернизации модели капитализма южноевропейского (средиземноморского) типа, предпринятой в рамках европейских интеграционных процессов в ходе подготовки к вступлению Италии в еврозону, и объективными ограничениями на этом пути. Особенности средиземноморской модели заключались в особой роли государства в экономике, жестком регулировании отношений на рынке труда через общенациональный трехсторонний переговорный процесс с участием предпринимательских ассоциаций и сильных профсоюзов, в высоком уровне региональной дифференциации и сохранении большого сегмента семейных предприятий с системой неформальных практик. В Италии эти институты опирались на представленные основными политическими силами размежевания между левой и консервативной субкультурами и интегрировали традиционалистские и модернистские ценностные установки, а остро конфликтные процессы согласования интересов заставляли искать стимулы к развитию. Набиравшее силу в 1990е гг. дерегулирование не сопровождалось реформами, способными скомпенсировать его дестабилизирующие эффекты, а либерализация рынка труда не привела к запуску эффективных конкурентных механизмов корректировки экономических и социальных дисбалансов и сопровождалась резким падением уровня социальной защиты (“flex-insecurity”). Попытавшись отчалить от*

южноевропейского берега, от модели управления, которая в массовом сознании ассоциируется с клиентелизмом и доминированием групповых интересов, страна не сумела прочно пришвартоваться у другого, «общеευропейского», с которым связывалось решение задач последовательной модернизации и продвижения к новому экономическому укладу. В результате *не были преодолены разрывы между «укорененными» институтами и нормами, внедряемыми по требованию ЕС, не сформировалось органичной, восприимчивой к инновационному развитию среды.* Диктуемая от имени институтов Евросоюза повестка дня заметно расходится с социальными ожиданиями и вызывает массовый протест, а сбои в продвижении самого интеграционного проекта, слабость и непрозрачность обратной связи усугубляют делегитимацию национальной элиты.

12. Характер динамики итальянского общественно-политического кризиса ставит вопрос о *поиске путей и адекватных механизмов корреляции национальных и локальных моделей развития и макрорегиональных (европейских) интеграционных процессов.* Анализ системных сбоев этих моделей может иметь более весомый прогностический эффект при условии синтеза институционального, ценностного и политико-пространственного измерений.